СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА.

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ.

ВЫХОДИТЪ
ежедневно кромѣ дней праздничныхъ и воскресныхъ.

ГОДОВАЯ ЦѢНА
Въ С.Петербургѣ..... 40 руб.
Съ пересылкою..... 50 —

№ 146. Вторникъ, 4-го Іюля. 1839.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Санктпетербургъ, 3-го Іюля.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ
Всероссійскій,
и проч., и проч., и проч.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 2-й день сего мѣсяца, Промысломъ Всемогущаго, по обряду Православной Нашей Церкви совершилося бракосочетаніе Любезной Дщери Нашей, Великой Княжны Маріи Николаевны, съ Его Свѣтлостію Герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ. Возсылая благодареніе Всевышнему за сіе радостное для всего Дома Нашего событіе, удостовѣрены Мы, что всѣ вѣрные Наши подданные примутъ въ немъ участіе, тѣмъ болѣе, что, по совершеніи сего союза, вознамѣрились Мы утвердить пребываніе Ея Императорскаго Высочества съ супругомъ Ея въ Россіи, бывъ движимы къ тому собственнымъ Нашимъ желаніемъ видѣть счастіе Ихъ основаннымъ въ любезномъ Отечествѣ Нашемъ, по взаимному ихъ къ тому расположенію, и во утѣшеніе любезнѣйшей Супруги Нашей, Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Желая ознаменовать, сколь благоугодно Намъ сіе расположеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ дать новое свидѣтельство привязанности къ любезной Дщери Нашей и уваженія къ отличнымъ достоинствамъ Герцога Лейхтенбергскаго, признали Мы за благо даровать Ему лично титулъ Императорскаго Высочества. — Присвоя Ему отнынѣ навсегда сей титулъ, повелѣваемъ Правительствующему Сенату, составивъ приличествующій оному дипломъ и гербъ, внести къ Намъ на утвержденіе.

Совершивъ такимъ образомъ союзъ, толико Намъ благопріятный, Мы призываемъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, раздѣляя съ Ними родительскую радость Нашу, принести Всевышнему судебъ Строителю искреннее ихъ моленіе о благополучіи, мирѣ и любви новобрачныхъ, и благоденствіи всего Нашего Дома.

Данъ въ С. Петербургѣ въ 2-й день Іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ тридцать девятое, царствованія же Нашего въ четырнадцатое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

Возникшій изъ пепла Царскій домъ нашъ вчерашняго числа освященъ былъ дѣйствительно: въ возобновленныхъ стѣнахъ своихъ видѣлъ онъ вновь одно изъ тѣхъ счастливыхъ событій, которыхъ рядъ составляетъ исторію великаго Русскаго семейства, живущаго и красующагося радостію и благополучіемъ своихъ Государей. Нашъ Державный Монархъ и Его Августѣйшая Супруга, по благости Вседержителя, наслаждались чистѣйшею радостію родительскою, сочетавъ бракомъ старшую изъ любезныхъ Дщерей Своихъ, по влеченію Ея сердца, и не находясь въ жестокой необходимости, при заключеніи новыхъ священныхъ узъ, отбытіемъ Возлюбленной расторгать тѣсный кругъ семейный, скрѣпленный самыми нѣжными связями, какому не только въ царскихъ фамиліяхъ, но и въ смиренныхъ частныхъ семействахъ трудно найти подобный святостію и искренностію чувствъ нѣжнѣйшей любви и дружбы. Можно вообразить и оцѣнить въ умѣ богатство, блескъ и великолѣпіе брачнаго торжества Дщери Русскаго Царя, которое вполнѣ соотвѣтствовало величію радостнаго событія, но кто опишетъ то душевное величіе, ту святость нравственную, то искреннее благочестіе Августѣйшаго Семейства, которыя давали сему блеску, сей пышности всю ихъ цѣну, какъ благая душа даетъ жизнь и достоинство прекрасному тѣлу!

Читателямъ нашимъ извѣстенъ уже порядокъ, въ какомъ происходило торжество бракосочетанія. Присовокупимъ къ тому выраженіе восхитительныхъ чувствованій, которыми преисполнены были всѣ присутствующіе; постараемся передать слабый отблескъ тѣхъ живительныхъ лучей, которыми свѣтила Русскаго неба озаряли все ихъ окружавшее.

Обширныя залы Зимняго Дворца наполнились особами, получившими приглашенія, или имѣющими право быть при Дворѣ. Во второмъ часу по полудни открылось шествіе изъ внутреннихъ покоевъ въ церковь. Мы увидѣли Государя, шествующаго съ Своею Супругою, и въ свѣтлыхъ очахъ Ихъ прочитали выраженіе искренней радости родительской; увидѣли Цесаревича Наслѣдника Престола, возвратившагося изъ дальняго странствованія, по слѣдамъ Петра Великаго; увидѣли Его возмужалаго, цвѣтущаго здоровьемъ и счастіемъ; увидѣли младшихъ братьевъ Его, и юныхъ Царевенъ, которыхъ глаза увлажены были слезами въ молитвѣ о счастіи возлюбленной старшей сестры; увидѣли достойнаго Брата нашего Государя, перваго слугу Его и Россіи, примѣръ ревностнаго, неутомимаго служенія и усердія къ Государю; увидѣли всѣхъ особъ Царскаго Дома; узрѣли и Виновниковъ нынѣшняго торжества, Великую Княжну, живой портретъ Государевъ, и Жениха Ея, прекраснаго и наружностью и душевными достоинствами. На лицѣ Его прочитали мы грядущее счастіе Новобрачныхъ. Онъ не только вступалъ въ бракъ съ Дщерію Русскаго Императора, но и становился Его подданнымъ: окруженный доблестными сынами и слугами Россіи, которые тяжкими ранами и многолѣтними трудами

СМѢСЬ.

КАКЪ ВЪ ПАРИЖѢ ЗНАЮТЪ РОССІЮ.

(Изъ письма къ П. И. Юр — ьичу.)

Какъ часто смѣялись мы, читая вмѣстѣ новости, сообщаемыя про нашу милую, любезную Россію, во Французскихъ журналахъ. Чего тамъ не было! Куча всякаго вздора, самаго безтолковаго, самаго нелѣпаго, едва вѣроятнаго! Я всегда думалъ, что Парижскіе журналисты распространяютъ такіе слухи о Россіи, изъ политической цѣли. Теперь, посмотрѣвъ на дѣло вблизи, вижу, что весь этотъ вздоръ пишется добросовѣстно, отъ чистаго и полнаго незнанія. Со временъ Карамзина до 1839 года, Французы едва ли подвинулись на утиный шагъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о Россіи. Карамзинъ разсказываетъ, въ своихъ *Письмахъ*, что у него безпрестанно спрашивали: «Какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? Сколько мѣсяцевъ катаются у васъ на саняхъ? ѣздите ли вы на оленяхъ зимою? и проч.» Тѣ же вопросы и я слышу безпрестанно. «Сколько у васъ замерзло людей въ нынѣшнемъ году? Содержатъ ли у васъ лѣтніе экипажи?» Уши вянутъ! Что ни толкуй, Французы все несутъ свое. На бѣду, Пчела недавно напечатала, что въ Петербургѣ ѣздятъ на оленяхъ, скорѣе чѣмъ на пароходахъ; съ тѣхъ поръ мнѣ рѣшительно нѣтъ житья, потому что я увѣрялъ, la main sur la conscience, что у насъ на оленяхъ не ѣздятъ.

Нѣтъ такой лжи, нѣтъ такой нелѣпости о Россіи, которой не повѣрилъ бы Французъ. Для него Россія — Гиперборейская страна, Скиѳская пустыня, Дивистанъ, въ которомъ все, что намъ угодно, можетъ случиться. Русскіе, пріѣзжающіе сюда и разсказывающіе разныя небывальщины (для шутки надъ Французами), поддерживаютъ ихъ уморительное незнаніе. Хотите ли знать, что думаетъ Парижанинъ о Россіи, какъ онъ себѣ ее представляетъ? Закуривайте сигару и читайте терпѣливо, потому что я буду говорить долго и длинно, какъ всегда говорю о предметахъ милыхъ, близкихъ къ сердцу.

Тамъ, тамъ, за горами, за долами, за синимъ моремъ, есть земля огромная, въ полъ-вселенную ростомъ, съ *двумя* городами, Петербургомъ и Москвою. Почти всегда на ней лежитъ снѣгъ; только лѣтомъ, мѣсяца на два, въ Іюнѣ, показывается травка, поднимается, но тутъ же, бѣдняжка, зябнетъ и умираетъ отъ сентябрскаго холода. Какъ растетъ хлѣбъ въ этомъ холодномъ ледникѣ, Французъ и вообразить не можетъ. Стужа бываетъ такъ сильна, что птицы не могутъ сносить ее, и умираютъ въ воздухѣ. Люди, какъ разинутъ ротъ, такъ и простудятся; отъ этого они очень молчаливы и въ обществѣ нѣтъ той одушевленной бесѣды, той веселой болтовни (causerie), безъ которой Парижанинъ умретъ со скуки. На улицу выходятъ только бѣдняки, принужденные къ тому крайностію; всѣ богачи лежатъ на лежанкахъ, и пьютъ чай, для возбужденія теплоты въ тѣлѣ. Рѣдко въ этой Гиперборейской странѣ показывается блѣдное солнце, и потому въ ней нѣтъ искусствъ, нѣтъ живописцевъ, которые, какъ всему просвѣщенному міру извѣстно, не могутъ ни жить художественно, ни работать безъ свѣта. Что въ Россіи такъ холодно, въ этомъ Французы ссылаются на остатки великой арміи, которые были заморожены въ 1812 году, и принесли въ Парижъ самыя вѣрныя извѣстія о нестерпимомъ, невыразимомъ и невообразимомъ Русскомъ холодѣ. Инвалиды до сихъ поръ живы, и на всѣ ваши возраженія будутъ отвѣчать, кто отмороженнымъ носомъ, кто отмороженною рукою, и проч. По этому Французъ увѣренъ, что въ Россіи нельзя иначе жить, какъ по привычкѣ (par habitude) къ холоду, который есть первый врагъ всего человѣчества.

Вотъ понятіе о *физикѣ* Россіи. Потомъ Французъ думаетъ, что мы всѣ — *казаки*. Я никакъ не могъ добраться, откуда произошло такое мнѣніе, повторяющееся очень часто. Мнѣ случалось нѣсколько разъ говорить о породѣ Русскихъ, и объ отличіяхъ ея отъ породы (*race*) казацкой, но на меня всегда смотрѣли

снискали благоволеніе и признательность Государя и Отечества, видя и въ близкихъ кровію къ Царскому Дому усердныхъ сподвижниковъ въ дѣлахъ войны и мира, Онъ произносилъ въ душѣ своей клятву — жить и умереть для новаго Своего великаго семейства.

Что скажемъ о прочихъ присутствовавшихъ? Взоры всѣхъ, исполненные любви, преданности и душевнаго благоговѣнія, слѣдили за царственными Особами, и пламенныя мольбы о Ихъ счастіи волновали сердца всѣхъ. Въ торжественные дни хоры обширныхъ залъ дворца наполнены зрительницами. При появленіи Царской Фамиліи послышалось тамъ необыкновеное волненіе, и вдругъ, по какому-то внутреннему сочувствію, многія изъ пожилыхъ дамъ, бывшихъ на хорахъ, почтенныя матери семейства, простерли руки свои надъ Августѣйшею Невѣстою, и въ избыткѣ сердца, со слезами на глазахъ, благословляли ее. Русская Царевна! Прими въ сихъ выраженіяхъ благочестиваго усердія проявленіе чистѣйшихъ нашихъ помысловъ и желаній! Рукою благословлявшихъ Тебя, неизвѣстныхъ Тебѣ, водила искренняя, безкорыстная любовь, и тихая молитва, вознесшаяся о Тебѣ изъ глубины простыхъ сердецъ, конечно нашла путь къ Богу, и была Ему угодна.

По вступленіи въ церковь, начался обрядъ бракосочетанія, который совершенъ былъ Духовникомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Вѣнцы держали: надъ Великою Княжною Государь Цесаревичъ, а надъ Герцогомъ, Генералъ-Адъютантъ Графъ Паленъ. По благословеніи Высокоповообрачныхъ и по обряду Римской Церкви, всѣ возвратились во внутреніе апартаменты прежнимъ порядкомъ, и чрезъ нѣсколько времени начался обѣденный столъ, блиставшій богатствомъ, вкусомъ и великолѣпіемъ. На главномъ столѣ, на сорокъ особъ, приборъ былъ золотой. Другіе столы убраны были съ неменьшимъ вкусомъ, приборами серебряными. Вездѣ благоухали цвѣты; на хорахъ раздавались прекраснѣйшія мелодіи. На всѣхъ лицахъ были радость, надежда, желанія и ожиданія всѣхъ благъ Новобрачнымъ и Ихъ Августѣйшимъ Родителямъ.

Къ осьми часамъ вечера, собрались на балъ въ Бѣлой Залѣ, которую нынѣ, по великолѣпнымъ вызолоченнымъ столпамъ, поддерживающимъ хоры, надлежало бы называть Золотою. Въ продолженіе бала, состоявшаго, какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ торжественныхъ случаяхъ, изъ одного длиннаго польскаго танца, Государь, Государыня, Новобрачные и всѣ особы Императорской Фамиліи изволили танцовать съ приглашаемыми къ тому, и счастливили ихъ Своею царскою милостію и благосклоннымъ привѣтомъ.

Балъ сей, продолжавшійся до девяти часовъ, не ограничивался стѣнами дворца: на Дворцовой Площади и на бульварѣ Адмиралтейства, стояли хоры гвардейской и гренадерской полковой музыки; многія тысячи веселыхъ и радостныхъ людей прогуливались предъ царскимъ домомъ. По окончаніи бала, Государь Императоръ и Государыня Императрица вышли, съ Новобрачными, на большой балконъ дворца, и привѣтствовали вѣрныхъ Своихъ подданныхъ. Народныя волны хлынули ко дворцу; всѣ громогласными кликами усердія поздравляли Ихъ, и отъ глубины сердецъ желали Имъ счастія. Потомъ толпы сіи разлились по всѣмъ блистательно иллюминованнымъ улицамъ, и долго, долго за полночь ликующій народъ съ шумнымъ восторгомъ торжествовалъ день счастія возлюбленнаго своего Отца.

Заключимъ описаніе наше отрывкомъ изъ новаго прекраснаго стихотворенія: *Поэту старыхъ временъ*, хотя мы увѣрены, что, въ нынѣшнемъ случаѣ, и проза и поэзія далеко останутся за существенностію.

И вотъ готовятся опять
Вполнѣ достойныя картины
Историка Екатерины!
И въ ваши бъ, дѣдушка, вѣка
Ихъ слава даромъ не пропала;
Ихъ для потомства бъ записала
Твоя *державная* рука.

* * *

Орелъ! Взмахни опять крилами,
Въ безмѣрномъ воздухѣ явись,
Гляди орлиными очами,
Любуйся, сравнивай, дивись!
Поздравь же матушку Россію!
Дочь старшую свою, Марію,
Она въ замужство отдаетъ;
Но изъ родительскихъ объятій,
Отъ нѣжныхъ сестръ, отъ юныхъ братій
Она въ чужбину не пойдетъ.

* * *

Къ чему? Иль Царство наше мало?
Иль не умѣемъ мы любить?
Да и чего недоставало,
Чтобы у насъ счастливой быть?
Не будетъ горестей. А будетъ?
Твоя душа ихъ позабудетъ:
Мы снимемъ горе на себя,
А радость радостью умножимъ!
Ты здѣсь! и каждый день мы можемъ
Съ Тобой молиться за Тебя!

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Франція. *Парижъ*, 28-го Іюня. Министръ Публичныхъ Работъ положилъ 22-го числа основаніе институту для малолѣтныхъ слѣпыхъ, учрежденіе коего рѣшено въ Палатахъ 18-го Іюля 1838 года.

— Изъ Джижели отъ 12-го Іюня извѣщаютъ, что Арабы, оставшіеся нѣсколько времени спокойными, снова начали было враждебныя нападенія. Потерпѣвъ въ нѣсколькихъ схваткахъ пораженіе, они снова успокоились.

— Изъ Гваделупы отъ 29-го Мая пишутъ, что Губернаторъ сей колоніи послѣдовалъ примѣру Губернатора Мартиники, и дозволилъ колонистамъ вывозить сахаръ подъ какимъ угодно флагомъ.

— Маіоръ Пуссенъ, участвовавшій въ постройкахъ желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ, недавно издалъ въ Парижѣ брошюрку о желѣзныхъ дорогахъ во Франціи, въ которой онъ касается причинъ, по коимъ всѣ подобнаго рода предпріятія во Франціи не имѣютъ успѣха. По его мнѣнію, безъ содѣйствія Правительства, нельзя ожидать ни какихъ выгодныхъ результатовъ.

Англія. *Лондонъ*, 27-го Іюня. На прошедшей недѣлѣ открыто здѣсь плутовство особеннаго рода. Когда принялись разгружать корабль, «Лордъ Странгфордъ,» пришедшій съ строевымъ лѣсомъ, одно бревно переломилось, и оказалось, что всѣ бревна были внутри выдолблены, и наполнены табакомъ и сигарами. Полагаютъ, что въ каждомъ бревнѣ табаку и сигаръ было слишкомъ на 500 ф. с.

Италія. *Неаполь*, 15-го Іюня. Съ самаго восшествія на престолъ, Король обращалъ особенное вниманіе на украшеніе своей столицы. Кто, находясь въ отсутствіи нѣсколько лѣтъ, возвращался въ Неаполь, того радовали и изумляли измѣненія въ наружномъ видѣ города. Недавно, именно 12-го Іюня, изданъ Королемъ замѣчательный декретъ объ учрежденіи Строительной Коммиссіи, которой вмѣняется въ обязанность пещись о безопасности и здоровьѣ жителей, удобствѣ и красотѣ город-

---

или, какъ на неуча, который не знаетъ, что говорить, или, какъ на спорщика, который хочетъ передѣлывать факты по своему, для своихъ любимыхъ выводовъ. *Русскій и казакъ* — въ Парижѣ совершенно одно и то же. Парижанинъ думаетъ, что статскій казакъ называется Русскимъ, а военный Русскій — казакомъ; впрочемъ, въ существѣ (au fond) это совершенно то же самое (*). Въ слѣдствіе такого общепринятаго мнѣнія, Парижанинъ удивляется, не находя въ Русскомъ Калмыцкой физіономіи, т. е. сплюснутаго носа, выдавшихся скулъ, и говоритъ: *Monsieur n'a pas l'air russe, du tout, du tout!*

Всего болѣе бѣситъ меня мнѣніе Парижанъ о нашихъ дамахъ. Они думаютъ, что у насъ нѣтъ въ цѣлой Имперіи ни одного хорошенькаго личика; всѣ наши дамы блѣдны, бѣлокуры, съ голубыми глазами, безъ выраженія въ лицѣ, съ рыбьею кровью въ жилахъ. Не увлекаюсь любовію къ родинѣ, и признаюсь, что дочь Юга, съ огненными глазами, съ пламенемъ въ крови, должна быть *вообще* очаровательнѣе скромной, тихой, сѣверной дѣвы. Но за то пылкость желаній не есть ли вѣрный залогъ ихъ скоротечности? Француженка полюбитъ сильнѣе Русской, но Русская будетъ любить долѣе, постояннѣе и лучше. Въ Француженкѣ болѣе сладострастія, въ Русской болѣе нѣжности; у одной — проза чувства, у другой поэзія любви; во Франціи — розы, у насъ — лилія, одно стоитъ другаго. И въ Петербургѣ, люди сходятъ съ ума отъ любви, и въ Петербургѣ есть личики, передъ которыми любой Французъ станетъ на колѣни; но несчастію, въ Парижѣ нѣтъ ни одной Русской красавицы, и Французы совсѣмъ разбили меня на этомъ пунктѣ. Показалъ бы я имъ Княжну N, или молоденькую *, или ту, которая свѣтитъ, какъ солнце, между Петербургскими звѣздами красоты; что сказали бы мнѣ Французы? . . . . . .

Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

Въ странѣ, гдѣ нѣтъ хорошенькихъ женщинъ, жить плохо, думаетъ Французъ; человѣкъ созданъ для общества, а общество украшается женщиной, и проч. Въ такомъ убѣжденіи, Французъ увѣренъ, что въ Россіи вовсе нѣтъ общества, а если и есть, то очень скучное, въ которомъ курятъ, ѣдятъ и играютъ въ карты. Только въ послѣднемъ случаѣ Французъ совершенно правъ: у насъ слишкомъ много играютъ въ карты. Увы! наше общество (я не говорю о балахъ) убито вистомъ! Куда ни повернись, куда ни пріѣзжай, вездѣ вистъ, и часто съ болваномъ! Въ Парижѣ совсѣмъ не то: здѣсь играютъ такъ рѣдко, что съ трудомъ найдешь колоду картъ въ самомъ богатомъ домѣ, гдѣ есть все необходимое для развлеченія, для пріятнаго препровожденія времени. Французъ увѣренъ, что у насъ за столомъ дамы сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ. Что ни говори, какъ ни тверди, что еще Петръ Великій свелъ оба пола ассамблеями, Французъ не вѣритъ и сомнительно покачиваетъ головою. Такъ какъ нѣтъ общества, нѣтъ сближенія дамъ съ кавалерами, то изъ этого, естественно, проистекаетъ (для Француза) слѣдствіе, что у насъ выдаютъ дѣвушекъ замужъ родители, а сердце ея, какъ пустошь или мельница, идетъ въ придачу къ остальному приданому. Увы и ахъ! Это иногда бываетъ, но нельзя же изъ частнаго, рѣдкаго примѣра дѣлать и ковать общее правило! Pauvre fille! говоритъ Парижанинъ про Русскую дѣвушку: она живетъ въ уединеніи, мужчина для нея *бабушкинъ попугай*, сердечныя чувства ея не могутъ развиться по образу ея жизни, и потому она обѣдаетъ, выходитъ замужъ, кушаетъ чай, съ одинаковымъ хладнокровіемъ. Вы понимаете, милый другъ, какъ все это меня бѣситъ, тѣмъ болѣе, что тутъ и спорить нельзя, потому что это не фактъ, а выводъ изъ умозаключеній Французскихъ.

Болѣе справедливы Французы, когда говорятъ, что мы не знаемъ своего языка, безпрестанно занимаясь Французскимъ. Съ какою злобною радостію они разсуждаютъ объ этомъ удивительномъ и непонятномъ для нихъ явленіи. Недавно одинъ здѣшній фельетонистъ принесъ мнѣ *Французскіе* стихи одного Русскаго, и съ сатанинскимъ наслажденіемъ показалъ статью о нихъ, напечатанную въ *Siècle*, гдѣ ужасно

(*) Далѣе, казакъ и Калмыкъ — у Француза опять одно и то же.

ских зданій. Первымъ дѣломъ Коммиссіи будетъ составленіе геометрическаго плана всѣхъ необходимыхъ въ городѣ построекъ, на которомъ должно быть показано, гдѣ надлежитъ расширить улицы, гдѣ устроить публичныя гульбища, площади или рынки. Вмѣстѣ съ тѣмъ она должна будетъ составить проектъ и планы для умноженія въ городѣ воды, и объ удобнѣйшемъ снабженіи ею жителей столицы.

БІОГРАФІЯ
ПОЭТА КОТЛЯРЕВСКАГО.

Жизнь человѣка, отличеннаго судьбою отъ людей обыкновенныхъ, представляетъ для размышляющаго ума рѣдкое, поучительное явленіе, подробности котораго отрадно слѣдить подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній недавно минувшаго. Къ числу людей, отличныхъ по уму и сердцу, безспорно, принадлежитъ знаменитый соотечественникъ нашъ, извѣстный авторъ Энеиды на Малороссійскомъ языкѣ, Маіоръ *Иванъ Петровичъ Котляревскій*. Предки его, съ отцовской и матерней стороны, были природные Малороссіяне: отецъ служилъ въ Полтавскомъ Городовомъ Магистратѣ канцеляристомъ, дѣдъ былъ діакономъ въ Полтавской соборной Успенской церкви; о званіи прадѣда не говорится въ бумагахъ, но изъ нихъ видно, что онъ имѣлъ въ окрестностяхъ Полтавы недвижимую собственность, доставшуюся внукамъ его, отцу и дядѣ автора Энеиды.

Котляревскій родился въ Полтавѣ, 29-го Августа 1769 года, жилъ и умеръ въ домѣ отцовскомъ, примѣчательномъ по его древности. На перекладинѣ потолка одной изъ комнатъ, доселѣ сохранилась вырѣзанная надпись: «Создася домъ сей во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь, року 1705.» Годъ означенъ церковными цифрами.

Получивъ образованіе въ Полтавской Духовной Семинаріи, гдѣ въ числѣ соучениковъ его былъ знаменитый переводчикъ Гомеровой Иліады Н. И. Гнѣдичъ, Котляревскій, еще въ юномъ возрастѣ, имѣлъ особенную страсть къ стихамъ, и умѣлъ ко всякому слову искусно подбирать остроумныя риѳмы, за что товарищи называли его *риѳмачемъ* (1). Названіе, данное, можетъ быть, въ насмѣшку, послужило послѣ къ большой чести нашего поэта, особливо, когда онъ, узнавъ языкъ Латинскій, полюбилъ Виргилія. Кто знаетъ, не въ эти ли раннія лѣта заронилась въ Котляревскомъ первая мысль о переложеніи Энеиды на родное нарѣчіе; но смѣло сказать можно, что особенная его привязанность къ Римскому поэту положила прочное основаніе этой мысли, такъ прекрасно въ послѣдствіи выполненной. По окончаніи курса наукъ, Котляревскій занимался нѣсколько времени, въ частныхъ помѣщичьихъ домахъ, воспитаніемъ дѣтей. Въ эту эпоху жизни своей, изучая Малороссійскій языкъ, по словамъ современниковъ его, онъ наблюдалъ нравы, обычаи, повѣрья и преданія Украинцевъ, бывалъ на сходбищахъ и играхъ простолюдиновъ и самъ, переодѣтый, участвовалъ въ нихъ, прилежно вслушивался и записывалъ слова Малороссійскаго нарѣчія. Время показало, что это было слѣдствіемъ поэтической дѣятельности, для удовлетворенія которой Котляревскій избралъ поэму Виргилія.

Разскажемъ сначала примѣчательную службу Котляревскаго. Первое избранное имъ поприще была военная служба: онъ вступилъ въ Сѣверскій карабинерный, послѣ драгунскій, а потомъ конноегерскій полкъ, кадетомъ, 1796 года, Апрѣля 1-го. Въ этомъ полку произведенъ въ Прапорщики, 1798 Апрѣля 9-го, и потомъ въ Штабсъ-Капитаны, 1806 года, Апрѣля 12-го. Въ 1806 году, по вступленіи Русскихъ войскъ въ Молдавію и Бессарабію, былъ при занятіи Бендеръ; при крѣпости Измаилѣ, находился во многихъ сраженіяхъ съ Турками, съ 17-го Декабря 1806 г., во всю кампанію 1807 года, и за отличіе два раза получилъ Монаршее благоволеніе. Въ продолженіе той же кампаніи, какъ отличный и благонадежный офицеръ, находясь въ званіи адъютанта корпуснаго начальника, былъ употребленъ Генераломъ отъ Кавалеріи Барономъ Мейендорфомъ, для внушенія Буджацкимъ Татарамъ (2) приверженности къ Россіи. Онъ успѣшно исполнилъ данное ему порученіе, привелъ отъ улусовъ ихъ аманатовъ, и за то Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Анны 4-й степени. Въ отставку вышелъ Капитаномъ, съ мундиромъ, въ 1808 году.

Генералъ Губернаторъ, Князь Я. И. Лобановъ-Ростовскій, пригласилъ его вступить въ гражданскую службу, и опредѣлилъ, въ 1810 году, надзирателемъ Полтавскаго Дома Воспитанія Бѣдныхъ. Будучи въ сей должности, въ 1812 году, имѣлъ отъ начальства порученіе сформировать Полтавскій пятый конный казачій полкъ, порученіе, начатое въ половинѣ Августа, и исполненное съ желаннымъ успѣхомъ, такъ, что 2-го Сентября полкъ выступилъ въ походъ въ надлежащей исправности, за что Котляревскій удостоенъ Монаршаго благоволенія. Въ 1817 году, когда блаженной памяти Государь Императоръ Александръ посѣтилъ, въ числѣ прочихъ Полтавскихъ заведеній, Домъ Воспитанія Бѣдныхъ, Котляревскій, за улучшеніе сего заведенія и вообще за отлично-полезную службу, награжденъ чиномъ Маіора, изъ Кабинета Его Императорскаго Величества бриллiантовымъ перстнемъ, и по смерть пенсіономъ въ 500 р., сверхъ получаемаго жалованья. Въ 1827 году, Августа 25-го, опредѣленъ, кромѣ должности надзирателя Дома Воспитанія Бѣдныхъ, попечителемъ Полтавскаго Богоугоднаго Заведенія, и объ должности исполнялъ до старости такъ, что по выходѣ въ отставку (съ полнымъ пенсіономъ сверхъ прежде пожалованнаго), 31-го Января 1835 года, никто не видалъ его: болѣе онъ не могъ уже, по слабости силъ, выходить изъ дому, и мало кого принималъ у себя. Въ продолженіе гражданской службы, дѣятельностію, усердіемъ и благоразуміемъ, обращая на себя постоянное вниманіе начальства, неоднократно удостоиваемъ былъ Высочайшихъ благоволеній, а въ 1832 году Всемилостивѣйше пожалованъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXX лѣтъ.

Кромѣ поприща службы гражданской и военной, онъ отличался еще на другомъ, свойственномъ не всякому, поприщѣ литературномъ, на коемъ онъ выбралъ совершенно новую дорогу. По долгомъ, обдуманномъ приготовленіи, Котляревскій рѣшился пародировать Энеиду Виргилія на Малороссійскомъ языкѣ. Изъ собранныхъ нами свѣдѣній извѣстно, что первыя три части Энеиды написалъ онъ, едва вступивъ въ военную службу; эти три части были напечатаны, безъ вѣдома автора, съ большими ошибками и упущеніями. Исправивъ ихъ и написавъ 4-ю часть, сочинитель посвятилъ ихъ помѣщику Полтавской Губерніи Семену Михайловичу Кочубею, иждивеніемъ котораго напечатаны четыре части Энеиды въ 1809 году. Въ своемъ переложеніи, Котляревскій не вездѣ слѣдовалъ тексту Латинской поэмы, а болѣе изображалъ житейскій бытъ Малороссіянъ въ свободныхъ и живыхъ строфахъ. Комисмъ

(1) Это слышалъ я отъ Протоіерея Золотоношской соборной церкви, Г. Насвѣтова, бывшаго нѣкоторое время наставникомъ Котляревскаго въ Семинаріи.

(1) Буджацкіе Татары обитали въ то время на правомъ берегу р. Днѣстра, простирались по сѣверо-западнымъ берегамъ Чернаго Моря до устьевъ Дуная.

смѣялись надъ страстію Русскихъ писать по-Французски. Тамъ было сказано: «Русскіе князья чванятся тѣмъ, что пишутъ по-Французски; а въ цѣлой Франціи не найдешь сапожника, который поставилъ бы себѣ не только за честь, но даже за удовольствіе писать по-Русски, потому что мы, Французы, понимаемъ, по чувству народной гордости, что должно писать на своемъ языкѣ.» Безпрестанно защищая все Русское, я предаю Французамъ въ полную жертву тѣхъ полу-Русскихъ, которые, забывъ свой звучный, сильный языкъ, маракуютъ кое-какъ на другомъ, и гордятся тѣмъ, чего должны были бы стыдиться. Пишите ученую книгу по-Французски, такъ; пусть Россія, а съ нею вмѣстѣ и Европа, пользуются плодами вашей учености; но къ чему кропать стишки по-Французски? Съ какою цѣлію? Чтобъ вся Европа читала вздоръ! Великая цѣль! И какая прибыль! Какъ не вспомнить умныхъ словъ Карамзина, который, посмотрѣвъ на такихъ полу-Русскихъ въ Парижѣ, напечаталъ въ своемъ путешествіи: «Всего смѣшнѣе для меня наши остроумцы, которые хотятъ быть Французскими авторами! Бѣдные!» Нѣтъ, Карамзинъ слишкомъ добръ: они не бѣдные, а просто *жалкіе*!

Разсказывать ли вамъ, мой другъ, что думаютъ Французы о нашихъ судахъ и законахъ, о нашей полиціи и городскомъ устройствѣ, о нашей литературѣ и журналистахъ? Они знаютъ только Пушкина (чисто по слуху), Крылова (по переводу его басень) и Греча (по переводу его Черной Женщины), и думаютъ, что Россія ничего болѣе не произвела. Они знаютъ, изъ журналовъ, только Сѣверную Пчелу, и твердо убѣждены, что Пчела живетъ переводами съ Французскаго. Вы видите, что и тутъ они ошибаются, какъ во всемъ остальномъ. Одному только отдаютъ они справедливость: нашей арміи, которую признаютъ лучшею въ мірѣ (разумѣется, послѣ своей: такова уже народная гордость!).

Почему же Французы вовсе не знаютъ Россіи? Потому что знаютъ ее только по слухамъ, по преданіямъ, по разсказамъ людей, которые пожили два, три года въ Петербургѣ, ничего не видавъ; и къ несчастію, по извѣстіямъ, слишкомъ недостаточнымъ, неполнымъ, сообщаемымъ тѣми Русскими, которые пріѣзжаютъ въ Парижъ дѣлать то же, что дѣлали въ Петербургѣ. Нѣтъ ни одной порядочной Французской книги, изъ которой иностранецъ могъ бы получить хотя нѣкоторое понятіе о Россіи. Вотъ занятіе прекрасное, благородное, истинно-полезное, для тѣхъ остроумцевъ, которые попписываютъ Французскіе стишки: переводить Русскія книги по части исторіи, географіи, статистики отечественной; это, право, славнѣе, чѣмъ писать безполезныя оды и ни къ чему негодныя баллады. Французы станутъ читать. Я замѣтилъ, что они съ жадностію хватаютъ всѣ извѣстія о Россіи, ложныя и справедливыя, неосновательныя и дѣльныя. Они понимаютъ, что надобно наконецъ короче познакомиться съ этимъ изумительнымъ великаномъ, который возсталъ на Востокѣ по мановенію Великаго Петра. Но какъ удовлетворить любопытству? Гдѣ книги, гдѣ вѣрныя извѣстія? За неимѣніемъ ихъ, Французъ слушаетъ басню инвалида, раненаго при Березинѣ; хвастовство прикащика, который торговалъ помадою въ Петербургѣ; болтовню литератора, который въ теченіе двухъ мѣсяцевъ успѣлъ осмотрѣть и Петербургъ и Москву, наконецъ разсказъ архивнаго юноши, который въ каретѣ ѣздилъ отъ Дюме въ Большой Театръ, ночь игралъ въ карты, а утромъ поконлся въ постелѣ до трехъ часовъ. Кого же тутъ винить? Ужъ вѣрно не Француза, который жаждетъ, ищетъ, ловитъ свѣдѣній и извѣстій. Не лучше ли признаться, что мы, мы сами виноваты, что до сихъ поръ не пустили въ свѣтъ богатаго наслѣдія славы, оставленнаго намъ предками, и пишемъ стишки, когда можемъ оказать Европѣ важную услугу, т. е. показать ей духъ и отличительныя свойства Русскаго народа.

Еще забылъ одно слово: Французы думаютъ, что въ насъ нѣтъ любви къ отечеству. Эта ошибка уже непростительна: 1812 годъ доказалъ имъ противное самыми краснорѣчивыми фактами.

В. В. В.

Парижъ, 18-го Мая 1839

его Энеиды неподражаемъ: вездѣ дышитъ самая непринужденная сатира, блестящая неподдѣльною веселостью и остротами наблюдательнаго ума. Вся Украйна читала Энеиду съ восхищеніемъ. Легкость разсказа, вѣрность красокъ, тонкія шутки были въ полной мѣрѣ новы, очаровательны. Списывая съ природы, авторъ нигдѣ не погрѣшилъ противъ истины; народность отражается въ поэмѣ, какъ въ зеркалѣ. Къ сожалѣнію, сочиненіе не было окончено; продолженіе обѣщано въ дальнѣйшемъ времени; обязанности службы и другія обстоятельства препятствовали автору самому обновить поэму изданіемъ; но написавъ въ послѣдствіи 5-ю и 6-ю части Энеиды, онъ передалъ право изданія всѣхъ шести частей, въ 1838 году, Надворному Совѣтнику Волохинову. Съ нетерпѣніемъ ждемъ выхода въ свѣтъ полнаго изданія поэмы, какъ лучшаго памятника покойному. Смѣло надѣемся, что настоящій владѣлецъ не захочетъ скрывать долго рѣдкаго сокровища подъ спудомъ, а поспѣшитъ подѣлиться имъ съ публикою. Въ 1822 году, Котляревскій, бывъ избранъ Членомъ Санктпетербургскаго Общества Любителей Русской Словесности, помѣстилъ нѣкоторые отрывки изъ послѣднихъ частей Энеиды, въ издававшемся тогда журналѣ: Соревнователь. Кромѣ того, и послѣ являлись его строфы въ другихъ изданіяхъ, въ Утренней Звѣздѣ Г. Петрова, въ Харьковѣ, и проч. Всѣ эти отрывки ясно доказывали неизмѣнность дарованія Котляревскаго. Въ 1819 году, для существовавшаго въ Полтавѣ театра, коимъ управлялъ Котляревскій, написаны имъ двѣ небольшія піесы: *Полтавка*, народная опера, и *Москаль Чарівникъ*. Замѣтимъ здѣсь, что славный комическій талантъ Щепкина обязанъ Котляревскому первымъ развитіемъ. Кто не знаетъ плѣнительной музыки Малороссійскихъ пѣсень въ Полтавкѣ? Передавъ обѣ піесы для напечатанія, весьма недавно, Г. Срезневскому, авторъ незадолго до смерти, видѣлъ Полтавку уже отпечатанною въ Украинскомъ Сборникѣ. Содержаніе Москаля Чарівника взято изъ народнаго разсказа, и живо характеризуетъ нѣкоторыя черты Малороссіянъ. Обѣ піесы являютъ новую сторону прекраснаго таланта автора. Въ обѣихъ піесахъ, при легкомъ комизмѣ господствуютъ самыя нравственныя идеи. Кромѣ главныхъ сочиненій, Котляревскій, занимаясь собраніемъ Малороссійскихъ пѣсень, помѣстилъ нѣкоторыя изъ нихъ въ повременныхъ изданіяхъ. Въ бумагахъ покойнаго, къ большому сожалѣнію, не отыскалось ничего новаго на Малороссійскомъ языкѣ, а найденъ обширный трудъ, *Евангельскія Размышленія*, 8 частей, переводъ съ Французскаго (3).

Знанія Котляревскаго въ Исторіи Малороссіи и вообще во всемъ, касающемся народнаго быта Украйны, были весьма обширны; многіе изъ писателей Русскихъ, при составленіи сочиненій, относящихся къ Малороссіи, вели съ Котляревскимъ перешиску, и получали отъ него полныя и вѣрныя объясненія на свои вопросы. Г. Бантышъ-Каменскій указалъ на это въ своей Исторіи Малой Россіи. Котляревскій первый умѣлъ возбудить въ образованныхъ соотчичахъ своихъ любовь къ родному нарѣчію, и мы уже видимъ достойныхъ послѣдователей его, въ лицѣ Гг. Основьяненка, Максимовича, Гоголя, Срезневскаго и другихъ. Сохраненіемъ многихъ прекрасныхъ памятниковъ народной Украинской поэзіи, обязаны мы также тому свѣтлому стремленію къ основательному изученію любопытной жизни и нравовъ Малороссіянъ, которое сообщилъ Котляревскій своимъ подражателямъ. Вотъ истинная, великая услуга, оказанная Котляревскимъ возникающей Словесности роднаго ему края. Изложивъ службу и литературныя занятія Котляревскаго, нельзя не упомянуть о частной его жизни, о личномъ его характерѣ, не какъ писателя, а какъ человѣка. Подъ скромною простотою Украинца, Котляревскій скрывалъ самую возвышенную душу, доступную всѣмъ благороднымъ чувствованіямъ. Будучи основателенъ во всѣхъ поступкахъ, давалъ прибѣгающимъ къ нему хорошіе и полезные совѣты, и оказывалъ по возможности помощь, покрывая всѣ дѣйствія своей благотворительности сумракомъ тайны. Онъ любилъ бывать въ обществахъ, былъ любимъ и уважаемъ въ высшемъ кругу и среднемъ; былъ душею всякой бесѣды, особенно дружеской, обладалъ прекраснымъ даромъ разсказывать умно и весело, часто употреблялъ аллегорически, всегда кстати, и съ замысловатостію, пословицы и разныя мѣста изъ книгъ, большею частію изъ Священнаго Писанія. Разговоръ его оттѣнялся Малороссійскимъ нарѣчіемъ, но былъ живъ, увлекателенъ и плавенъ. Наружныя черты его лица были не красивыя, но пріятныя; выразительная, оригинальная улыбка всегда играла на устахъ. Никто не могъ съ такимъ особеннымъ искусствомъ разсказывать анекдоты, какъ онъ. У себя, дома, былъ гостепріименъ, и вообще жилъ не роскошно, но прилично. Всѣ посѣщавшіе Полтаву литераторы, и другіе путешественники, видались съ нимъ. Онъ не много говорилъ въ подобныхъ случаяхъ, но все, сказанное Котляревскимъ, смѣло можно было печатать Словомъ, на земномъ поприщѣ, Котляревскій, какъ храбрый воинъ, какъ наставникъ юношества и какъ усердный исполнитель обязанностей въ общежитіи, справедливо стяжалъ почетное имя полезнаго сына отечества, а какъ истинно народный писатель, заслужилъ славное имя поэта. Съ рѣдкимъ терпѣніемъ переносилъ онъ страданія послѣдней, удручавшей его, тягостной болѣзни, и тихо угасъ, на 70-мъ году жизни, 29-го Октября 1838 года, въ 2½ часа по полудни. Смерть его извлекла искреннія слезы друзей и всѣхъ знавшихъ его (4). Отдавая послѣдній долгъ скончавшемуся, Г. Гражданскій Губернаторъ почтилъ память его своимъ присутствіемъ при выносѣ тѣла въ церковь, и сдѣлалъ распоряженіе, въ слѣдствіе котораго, при отправленіи похоронъ въ церкви, при гробѣ находились воспитанники заведенія, 25 лѣтъ процвѣтавшаго подъ управленіемъ Котляревскаго, въ званіи надзирателя; нѣкоторые же изъ гражданъ приняли участіе въ денежныхъ расходахъ, для большей торжественности погребенія, и, не смотря на ненастную погоду, народъ во множествѣ проводилъ къ могилѣ останки своего достойнаго согражданина.

Вся Украйна съ признательностію помянетъ Котляревскаго. Каждый Малороссіянинъ изъ глубины души вздохнетъ о немъ. Драгоцѣнное имя творца Энеиды сохранится навсегда въ памяти народной, подобно народной пѣсни, которая никогда не умираетъ.

С. С. К.

Полтава.

(3) Заглавіе подлинника слѣдующее: Evangile médité, distribué pour tous les jours de l'année, suivant la concorde des quatre Evangélistes; augmenté d'une notice sur le P. Duquesne. XIII tomes. Lyon, 1816.

(4) Не обязанный семействомъ, онъ, до кончины своей всѣхъ людей своихъ отпустилъ на волю; имущество движимое и недвижимое роздалъ роднымъ и пріятелямъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ И РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ книжномъ магазинѣ Коммиссіонера Императорскаго Дерптскаго Университета И. Ѳ. Бородина, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Казанскаго Собора, въ домѣ Г. Имзена, продаются:

МЕЧТЫ и БЫЛЬ.

М. Маркова.

Три части. Спб., 1838 года. Цѣна 10 рублей.

ИСТОРІЯ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ.

Сочиненіе автора *Путешествія къ Святымъ Мѣстамъ*, и *Писемъ о Богослуженіи*. Спб., 1838 г. Цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб.

ЗАЕМНЫЯ ЖЕНЫ,

Водевиль въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго. Спб., 1834 г. Цѣна 2 рубля.

Въ книжной лавкѣ Коммиссіонера Императорской Медико-Хирургической Академіи А. Фарикова, состоящей въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 13-мъ, продаются:

ОПЫТЪ

СИСТЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ,

П. Чаруковскаго, Доктора Медицины и прочая. Часть 3-я, содержащая въ себѣ хроническія болѣзни общія. Спб., 1839 г. Цѣна 7 руб. асс., съ перес. 8 руб. асс. Первыя двѣ части содержатъ въ себѣ общія острыя болѣзни, или горячки, и мѣстныя острыя болѣзни, или воспаленія. Цѣна 10 руб., съ перес. 12 руб.

ПРИБЫЛИ *въ Санктпетербургъ:* 29-го Іюня, отъ мѣстечка Таурогена, Членъ Государственнаго Совѣта, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Рибопьеръ; отъ посада Новой Праги, Командующій Кавалергардскаго Ея Величества полкомъ, Генералъ-Маіоръ Баронъ Фитингофъ; изъ Москвы, Инспекторъ Почтъ II Округъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Князь Трубецкой.

ЗРѢЛИЩА.

Сегодня, во Вторникъ, 2-го Іюля.

НА АЛЕКСАНДРИНСКОМЪ Т.: Русскій человѣкъ добро помнитъ, драматическая быль; Сей и оный, шутка-водевиль: Ночной колокольчикъ, водевиль.

НА КАМЕННО-ОСТРОВСКОМЪ Т.: L'homme sans nom, ou Drames et romans, mystère-folie-vaudeville; Les deux manières, comédie-vaudeville.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ.

29-го Іюня.

	Утра 8 часовъ.	Полдень.	Пополуд. 4 часа.	Вечер. 8 часовъ.
Баром. при 15⅓ Р. Р. Д.	30,31	30,31	30,31	30,28
Термометръ Реомюра...	+ 18,2	+ 21,6	+ 19,9	+ 18,6
Вѣтры.....	юз. умѣр	юв. слаб.	тихо	сз. умѣр
Состояніе атмосферы...	облачно	тихо	пасмурно	тихо

30-го Іюня.

Баром. при 15⅓ Р. Р. Д.	30,26	30,26	30,25	30,21
Термометръ Реомюра..	+ 18,6	+ 22,0	+ 22,0	+ 19,4
Вѣтры.....	юг. умѣр.	тихо	юв. слаб.	тихо
Состояніе атмосферы..	облачно	тихо	тихо	тихо

С. Петербургъ, въ тип. Н. Греча. Печатать позволяется, 3-го Іюля 1839 года. *Цензоръ А. Фрейганъ. Цензоръ П. Корсаковъ.*